

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДЕТЕКТИВ

**НИКОЛАЙ
СВЕЧИН**

**ПО ОСТЫВШИМ
СЛЕДАМ**

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.
С24 По остывшим следам / Николай Свечин. — Москва : Эксмо, 2024. — 512 с. — (Императорский детектив Н. Свечина).

ISBN 978-5-04-186652-5

1906 год. Императрица Александра Федоровна поручила премьер-министру Столыпину необычное дело. Два года назад в женском монастыре в Казани была похищена чудотворная икона Казанской Божией Матери. Полиция нашла воров, но саму реликвию отыскать не сумела. В обществе упорно ходили слухи, что образ цел и где-то спрятан. Столыпин командировал лучшего сыщика Департамента полиции, коллежского советника Лыкова, на поиск иконы. Сыщик выехал в Казань. Но как только приступил к дознанию, в городе стали происходить страшные события.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186652-5

© Свечин Н., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

*Автор благодарит
Эльмиру Амерханову и Елену Карташеву
за помощь в создании этой книги.*

• ГЛАВА 1 •

ПРИКАЗ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

5 августа 1906 года Лыкову принесли большой конверт с сургучными печатями. Алексей Николаевич стал расписываться в журнале и с удивлением увидел, что конверт был от премьер-министра. Странно — до сих пор Столыпин не баловал скромного коллежского советника вниманием.

Внутри оказалась небольшая книжечка. На обложке стояло: «Судебный процесс по делу о похищении в Казани явленной чудотворной иконы Казанской Божьей Матери: полный стенографический отчет с приложением всех судебных речей», Казань, издание журнала «Православный собеседник», 1904 год». Лыкову сделалось любопытно. Громкая кража произошла два года назад. Он тогда находился в Тифлисе

и следил за ходом дознания по газетам. Поэтому знал о святотатстве то же, что и все. Негодяи украли образ, сорвали с него драгоценные ризы, а саму икону сожгли в печке. Казанская полиция довольно быстро раскрыла преступление. Воры были осуждены в каторжные работы. Что же теперь по этому старому делу потребовалось премьеру от сыщика?

Лыков взял почту и отправился к директору Департамента полиции. Трусевич принял его сразу.

— Максимилиан Иванович, не поясните, что сие значит?

Директор повертел в руках конверт, убедился, что на нем печать премьер-министра. Полистал книжку. Потом пожал плечами:

— Вчера был телефон от Столыпина. Он спросил, кто у нас самый опытный уголовный сыщик. Я, разумеется, назвал вас.

— Но при чем тут казанская кража? Дело давно закрыто, преступники выявлены и осуждены.

Трусевич снял трубку телефона и велел соединить его со Столыпиным.

— Але, Петр Аркадьевич. Извините, что отвлекаю. Пришел коллежский советник Лыков, которого я вам вчера аттестовал. Он получил конверт с протоколами суда в Казани... По кра-

же чудотворной иконы, да. Мы оба недоумеваем: в конверте нет ничего, объясняющего вашу посылку. От Лыкова требуется что?

Он выслушал ответ, кивая и почтительно поддакивая. Когда в трубке раздались гудки, положил ее на аппарат и потер лысеющую голову:

— М-да... Не нравится мне...

— Что такое, Максимилиан Иванович? — насторожился Лыков.

— Чует мое сердце, неспроста сыр-бор. Петр Аркадьевич приказал вам внимательно изучить присланные материалы. И дать экспертное заключение: могла ли икона уцелеть?

— Уцелеть? В том смысле, что ее не сожгли? — уточнил Лыков.

— Да.

Два полицейских чиновника посмотрели друг на друга. Этого только не хватало! Слухи, что икона Казанской Божией Матери не погибла в огне, а где-то спрятана, ходили по стране все два года. В качестве виноватых обычно называли богатых купцов-старообрядцев. Иногда приплетали масонов. Но то были слухи. А улики доказывали, что воры спалили икону в печке. На суде это приняли как факт. Сейчас, когда прошло много времени, оспаривать его трудно. Неужели кому-то наверху сплетни показались настолько убедительными?

— Я понимаю, Алексей Николаевич. Нет ничего хуже, чем идти по остывшим следам, — мягко сказал Трусевич. — Но куда теперь деваться? Посмотрите материалы и напишите заключение. Я убежден, что оно окажется отрицательным и от вас отстанут. Просто кому-то в Зимнем дворце — я даже знаю, кому именно, — хочется невозможного.

Директор имел в виду императрицу и ее склонное к религиозной мистике окружение.

— Слушаюсь, — мрачно ответил коллежский советник. Собрал бумаги и отправился к себе.

Азвестопуло, как только увидел, что шеф не в духе, сразу вскочил:

— Что такое, Алексей Николаевич? Опять какие-то бомбисты?

— Намного хуже, — заявил Лыков. — Бомбисты — милые люди: или мы их, или они нас. А тут — иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. — И рассказал помощнику о новом поручении.

— Только и всего? — ухмыльнулся Сергей. — Делов на два часа с перекурком. Отдайте мне, я им напишу такое, что враз отстанут. Убийц некогда ловить, а они с ерундой.

— Молод ты еще и потому не понимаешь, — сварливо возразил Лыков. — Такие поручения самые опасные, на них шею и ломают. С нашей,

прости господи, государыней шутки плохи. Не понравился ей — и в утиль.

— Да...

— Цыц! Ступай в архив, принеси мне всю переписку департамента с казанским губернатором по краже, — приказал Лыков. — А меня нет ни для кого.

Алексей Николаевич углубился в изучение обстоятельств дела. «Кража века» произошла в женском монастыре в самом центре Казани. Сыщик с карандашом в руках прочитал речь обвинителя и ответные речи защитников и понял, что все сложнее, чем ему изначально казалось. К вечеру у него уже было готово заключение. Лишь только он сообщил о нем директору, тот сразу же связался со Столыпиным. Умница Трусевич тоже понимал, что значит не угодить императрице, и потому не стал тянуть. В десятом часу действительный статский и коллежский советники прибыли на Аптекарский остров. Здесь, на даче министра внутренних дел, Столыпин проживал летом. Став премьером, он сохранил за собой МВД. Правда, загруженный делами высшего управления, Петр Аркадьевич запустил ведомство. Его целостность была нарушена, единая политика отсутствовала. Директора департаментов делали что хотели, каждый дул в свою дуду. Трусевича и Лы-

кова это устраивало: начальству некогда было соваться в их текущие дела с мелочной опекой.

— Что скажете, господа? — спросил премьер, быстро входя в кабинет. — Но, пожалуйста, негромко: сын только что заснул.

— У Алексея Николаевича готово заключение. Я решил, что лучше сообщить вам его как можно быстрее, — доложил директор Департамента полиции.

— Правильно решили, — кивнул Столыпин. — Вы уже, полагаю, догадались, кто заинтересовался вопросом?

— Ее Величество? — предположил сыщик.

— Точно так. Там... — Столыпин замялся и переменял тему: — Э-э... Чаю приказать?

— Спасибо, — ответил за обоих гостей Трусевич.

Премьер-министр вышел в приемную распорядиться. Когда он вернулся, вид у него был сконфуженный.

— Дело вот в чем, — начал он. — Ее Величество изволили вызвать меня вчера для личной аудиенции. Сразу после доклада государю. В комнате присутствовала еще герцогиня Лейхтенбергская, Анастасия Николаевна.

— Фаворитка царицы, — пояснил Лыкову Трусевич. — Большая шельма и истеричная дура на метафизическо-религиозной почве.

Столыпин поморщился — речь как-никак шла о представительнице правящей фамилии. Но не стал одергивать подчиненного, а продолжил:

— Государыня спросила у меня, имеются ли в Министерстве внутренних дел опытные сыщики. Я ответил утвердительно. Затем Александра Федоровна заявила, что требуется разыскать икону Казанской Божьей Матери. Якобы она не погибла, как решил казанский суд, а цела и где-то скрывается. Я попросил разъяснить, на что опирается такое мнение. Ну... мне ответили, что на высшие силы.

— Высшие силы? — переспросил Лыков, не веря своим ушам.

— Именно так, — бесстрастно ответил Столыпин, отводя взгляд.

— А могу ли я узнать точнее? — спросил Лыков.

— Можете. Когда сами предстанете перед государыней.

Сыщик почувствовал, что влип.

— Да, вам придется переговорить с Ее Величеством об этом, — пояснил премьер. — Завтра к девяти часам утра будьте на Эрмитажном причале. Поплывете вместе со мной в Петергоф.

Трусевич хотел что-то возразить, но Столыпин не дал ему сказать:

— Решение принято, чего теперь. Лучше пусть Алексей Николаевич сообщит, к каким выводам он пришел, изучив материалы суда. Могла священная икона уцелеть или это глупые рассказы?

— Могла, ваше превосходительство, — рубанул сплеча сыщик.

— Да вы что?! — опешил премьер. — Ну-ка докажите.

Лыков выложил из принесенной папки лист бумаги:

— Вот. Здесь коротко, я дополню на словах.

Столыпин и Трусевич, заинтригованные донельзя, откинулись на спинки стульев и приготовились слушать. Тут принесли чай. Едва лакей удалился, Алексей Николаевич начал:

— Как известно, кража произошла в тысяча девятьсот четвертом году, в ночь на Петров день¹. И украдены были две чудотворные иконы: Казанской Божьей Матери и Спасителя. Следствие обвинило в страшном святотатстве воров Чайкина и Комова, первый был признан главарем, а второй — его сообщником. Третий, ювелир Максимов, будто бы сам не крал, но купил снятые с похищенных образов золото и драгоценные камни. Так вот... — Лыков отхлеб-

¹ *Петров день* — 29 июня (здесь и далее примеч. автора).

нул из стакана и продолжил: — Сами иконы отысканы не были. Полиция нашла золото и камни, да и то не все. А еще горсть золы в печке, вместе с бархатом, гвоздиками и петлями от оклада. Это дало основание обвинителю сказать следующее. — Лыков стал читать с листа: — «Как ни тяжело, как ни безотрадно, но надо признать, что иконы сожжены. Если бы преступник хотел воспользоваться иконой, он не стал бы срывать с нее бархат, которым она, за исключением лика, вся была зашита. Да и времени у преступников не было бы — они были задержаны, как говорится, по горячим следам. На вопрос о том, где святые иконы, подсудимые упорно молчат, как мне кажется, потому, что у них не хватает духу, несмотря на всю их дерзость, открыто, в присутствии всех сказать, что святые иконы ими сожжены». — Сыщик повернулся к начальству и ехидно заметил: — Это у Чайкина не хватило духу? Да у него той самой дерзости на семерых!

— Продолжайте, — серьезно сказал Столыпин. Видимо, его самого, как истинно верующего человека, вопрос о судьбе святых образов сильно интересовал.

— Так вот. Суд присяжных принял вывод государственного обвинителя на веру. Более того, никто вообще не искал иконы, все ловили

похитителей. Надо отдать должное казанской полиции: они действительно быстро раскрыли кражу. Нашли жемчуг с окладов, обрезки золотой ризы, инструменты для переплавки. Обнаружили хорошо спрятанные тайники Чайкина. Но сами иконы странным образом оказались вне интереса сыщиков. Полиция доверилась заключению «сведущих людей», что зола в печи и есть все, что от них осталось, — заключил Лыков.

— Но ведь свидетели на суде заявили, что образы сожгли у них на глазах, — возразил Столыпин.

— Да, так утверждала Евгения Кучерова, девятилетняя дочь сожительницы Чайкина, — подтвердил Алексей Николаевич. — Но девочка была аттестована на суде как лгунья, испорченная не по годам. Она в самом деле говорила то одно, то другое. Показания Евгении по остальным эпизодам проигнорировали. А в гибель икон почему-то поверили. Присяжный поверенный Тельберг, защитник Чайкина, — единственный, кто подверг это сомнению. Но ничего не смог доказать и никого не убедил. Странное впечатление складывается, когда читаешь материалы суда. Все мелочи изложены, все детали, даже ненужные, препарированы.

А главный вопрос закрыли одной фразой обвинителя. Почему так?

— То есть вы полагаете, что образ, священный для всей России, мог уцелеть? — с волнением в голосе спросил премьер-министр.

— Да. Чайкин хорошо понимал, что стоимость самой иконы много больше всех ее украшений. Определенные люди дали бы за нее миллион.

— Миллион?! — взвился Трусевич. — Откуда такая цифра?

— Я справлялся у антикваров, — ответил Лыков. — Тех, кто работает со старинными иконами. Кстати, они мне подтвердили: в обществе так и не согласились с решением суда. Слухи, что священный образ цел, не ослабевают. И государыня права, что обратилась к этому вопросу. Миллион за дониконианскую икону, чья великая сила прославлена и не подлежит сомнению? Для богатых староверов — запросто.

— Так. Чайкин не дурак, чтобы жечь миллион, — повторил тезис Лыкова Столыпин. — А еще есть аргументы?

— Есть. Сообщники найдены не все. Сторож Захаров говорил на следствии, что видел четверых грабителей. Но к нему не прислушались и решили, что воров было двое, те самые Чайкин и Комов. Почему? И не оттого ли иконы

исчезли, что их унесли другие сообщники? Далее. Пропали и бриллианты на большую сумму. Прочие драгоценные камни с окладов удалось отыскать и золото с серебром тоже. А бриллианты — нет.

— Чайкин спрятал их лучше, чем серебро, — предположил Трусевич. — И мечтает бежать с каторги и разрыть тайник. Камни-то мелкие, спрятать их нетрудно.

— Может быть, и так, — не стал оспаривать это предположение Алексей Николаевич. — Но я выдвигаю другую версию. Бриллианты — самое ценное из того, что было похищено. За вычетом самих образов, конечно. На иконе Казанской Божьей Матери этих бриллиантов насчитывалось более пятисот! На сумму свыше семидесяти пяти тысяч рублей.

Сановники ахнули, а Лыков продолжил:

— В тысяча семьсот шестьдесят седьмом году императрица Екатерина Великая посетила Казань. Она была в Богородицком девичьем монастыре, молилась этой иконе и подарила на ее украшение корону из крупных бриллиантов. Так что не такие они и мелкие, Максимилиан Иванович. А когда их полтыщи...

— Так в чем состоит ваша версия? — перебил сыщика Столыпин.

— В том, что бриллианты остались, как и икона, в руках у сообщников. И Чайкин оттого и молчит о них. Там — его страховой фонд. Вору отдадут его долю в драгоценных камнях лишь в том случае, если он скроет сведения о подельниках.

— Для этого ему надо сначала сбежать с каторги, — мрачно заметил директор департамента.

— Трудно, но вполне возможно, — отрезал Лыков. — Были бы деньги и смелость. Смелости у Чайкина полно.

— А денег? — спросил Столыпин и сам же ответил: — Вы намекаете, что тоже с избытком, но они у сообщников. Верно я вас понял?

— Да, ваше превосходительство.

— Называйте меня Петр Аркадьевич. То есть, Алексей Николаевич, сообщники у Чайкина в руках? Они прямо-таки обязаны организовать ему побег, иначе тот их выдаст?

— Правильно, Петр Аркадьевич. Там взаимозависимость: ему тоже не хочется терять куш. Он будет молчать, но не вечно. Возможно, именно сейчас вору и готовят путь на волю, пока мы тут сидим и рассуждаем. Сбежит, и ищисвищи. Тогда икона пропадет навеки.

Трусевич заерзал. Столыпин зыркнул зло и сказал:

— Я прикажу усилить охрану Чайкина. У вас все, Алексей Николаевич?

— Остался последний аргумент.

Премьер напрягся:

— Как полагается, самое убедительное оставили на конец?

— Наверде того, — кивнул Лыков.

— Говорите.

— Казанская полиция выяснила со всей достоверностью пять предыдущих краж Чайкина. — Сыщик стал загибать пальцы: — В тысяча девятьсот третьем году из мужского Спасского монастыря в Казани были похищены митры и другая церковная утварь. В том же году в Коврове из кладбищенской церкви украдена риза с иконы, а из единоверческого храма в Златоусте — оклады сразу с трех икон. Еще два преступления состоялись в четвертом году. В марте Чайкин украл из Семеновской церкви в Рязани ризу, тоже с иконы Казанской Божьей Матери, стоимостью более двадцати тысяч рублей. А в апреле — жемчужную ризу с образа Знамения Пресвятой Богородицы из монастыря в Ярославле.

— И что с того? — не понял Столыпин. — Он же вор.

— А то, Петр Аркадьевич, что во всех этих случаях Чайкин забирал только ризы. Сами иконы не трогал, оставлял в храме.

Премьер и сыщик некоторое время смотрели друг на друга. Наконец Петр Аркадьевич выдохнул:

— Вот это да... Но почему же следствие не обратило на это внимания?

Лыков пожал плечами:

— Сам удивляюсь. Как будто их кто-то гнал. Быстро осудили, и с глаз долой — из сердца вон. Никто не задумался, почему опытный забироча впервые нарушил свои привычки.

— Теперь вы меня почти убедили, — нахмурился Столыпин. — Ну, казанцы! Езжайте и попробуйте разговорить Чайкина. Вдруг ему надоело быть самым знаменитым преступником империи? И принимать на свою голову проклятия всех православных христиан... Но сначала аудиенция у императрицы.

Премьер встал, поднялись и его собеседники.

— Итак, Алексей Николаевич, в ваших выводах есть логика, — сказал Столыпин. — Изложите их Ее Величеству. Наверняка следствием этого станет августейшее поручение. Вы понимаете, на что подписываетесь?

Лыков поймал укоризненный взгляд Трусевича, но его было уже не остановить:

— Понимаю, Петр Аркадьевич. Но ведь я тоже православный. Если имеется хоть один шанс, что реликвия цела — как же мне увильнуть?

— Так сколько времени прошло! — не удержался Максимилиан Иванович. — Какие теперь следы? Раньше надо было чесаться. Ведь поскользнетесь на этом деле, Алексей Николаевич! Не жалко тридцати лет беспорочной службы?

Столыпин молчал, но, судя по всему, думал то же самое. А он лучше собеседников знал характер императрицы.

— Не тридцать, а лишь двадцать семь, — поправил начальство сыщик. — Да и чем я рискую? Попаду в опалу? Так я не придворный лизоблюд. Задержат производство в следующий чин? Ну и шут с ним. А вдруг Бог сподобит вновь обрести икону? То-то.

Петр Аркадьевич крепко пожал коллежскому советнику руку и сказал:

— До завтра.

Государыня приняла сыщика и премьер-министра в своем кабинете. Также присутствовала герцогиня Лейхтенбергская, или, как ее